

Г. А. Меновщиков

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА 'АЛЕУТ'

О происхождении этнонима 'алеут' писали многие исследователи истории алеутов. Одна из последних работ по этому вопросу — обстоятельная статья И. С. Вдовина, в которой он излагает свою точку зрения¹ и приводит высказанные в разное время гипотезы о происхождении данного названия.

Ввиду того что в настоящей статье выдвигается новая гипотеза о языковой основе этнонима 'алеут', автор кратко напоминает здесь об имевшихся ранее высказываниях по этому вопросу.

Алеуты не имеют общего самоназвания. Жители каждого острова называли себя по принадлежности к данной местности или к определенной общине. Известный в литературе термин *унанган* (алеут. *унангах*, мн. *унанган*) относится лишь к одной из территориальных групп алеутов, а именно — уналашкинско-лисейской². Я. Нецветов отмечает, что алеуты о. Ахта называли себя *нигугис*, алеуты Ближних островов — *сасханакис*, алеуты Крысьих островов — *кагус*, а жители о. Кадык — *канагис*³. Таким образом, этноним *унанган*, относящийся к жителям только одного острова, в научной литературе был механически перенесен на название всего алеутского народа.

Вместе с тем и алеутское слово 'алеут', адаптированное в такой форме русскими землепроходцами, не являлось самоназванием алеутов, о чем будет сказано ниже.

И. С. Вдовин отмечает, что название «алеут» впервые упоминается в донесении нижнекамчатского приказчика Большерецкой канцелярии за 1747 г., где сообщается, что алеутские острова посетил «отпущенный в 1745 году в морской вояж на неизвестных островах именно *алеуцких* Беляев с товарищи» (курсив И. С. Вдовина). Между тем ранее на Алеутских островах побывали корабли экспедиции В. Беринга и А. И. Чирикова, и их ученые спутники Г. Стеллер и С. Ваксель называли островитян «американцами»⁴. Вполне вероятно, что впервые алеутское слово, близкое по звучанию слову «алеут», из которого путем русской адаптации и образовалось последнее, было услышано участниками этой экспедиции.

Основываясь на рассказе вывезенного с о. Атту в 1747 г. алеутского мальчика об алеутском боге «Алеукста-Агудах», А. Полонский высказал мнение, что название «алеут» восходит к первой части этого словосочетания, воспринятого якобы во время похода промышленников на острова⁵. Это мнение оказывается неубедительным уже потому, что в

¹ И. С. Вдовин. К вопросу о происхождении названия «алеут». — «Страны и народы Востока», в. VI, М., 1968, с. 101—105.

² И. Вениаминов. Опыт грамматики алеутско-лисейского языка. СПб., 1846, с. 64.

³ Я. Нецветов. Русско-алеутский словарь (рукопись 1860 года), доп. 14. Подлинник находится в Библиотеке Конгресса США, а его фотокопия в архиве автора.

⁴ И. С. Вдовин. Указ. раб., с. 101.

⁵ Там же, с. 101.

алеутском языке нет слова *алеукста* или близкого ему по звучанию, а слово *агудах* в значении «бог» на всех диалектах имеет модель *агугух*.

Маловероятным представляется и предположение И. Вениаминова о том, что название «алеут» могло произойти от вопросительного слова *аличая* («что это?») или *алих*⁶, произносимого часто при встречах с русскими.

Нет достаточных лингвистических данных и для того, чтобы слово *aliat* вслед за В. Н. Долом и Енгелем возводить к чукотскому *остров*⁷, производным словом от которого *alivit* чукчи якобы называли эскимосов островов Диомиды в Беринговом проливе. Как отмечает И. С. Вдовин, в чукотском языке отсутствует слово *aliat*, а понятие «остров» и «островитянин» соответственно передаются словами *илир* и *илитлгэн*⁸. Таким образом, эта версия происхождения этнонима «алеут» также представляется неубедительной.

Этноним «алеут» И. С. Вдовин возводит к чукотско-корякской основе *элев/алев* (варианты *э'чев/а'чав*) со значением «обвязывать, обматывать что-либо» (голову, туловище, грудь и т. д.), от которой образовалось слово *алев-выттэ* «те, которые имеют (на голове) привязанные ободы с ветками», что в русской адаптации якобы приняло форму «алеут». Основанием для такого заключения И. С. Вдовина служит следующее рассуждение. Первые русские землепроходцы пользовались услугами толмачей — переводчиков из среды аборигенов Камчатки. В экспедиции Беринга переводчиками могли быть коряки или чукчи. Эти (или другие более ранние) переводчики могли, по мнению И. С. Вдовина, назвать алеутов словом *алев-выттэ* по внешнему признаку — ношению алеутами деревянного головного убора с кожаной тульей и украшениями из перьев и усов сивуча. И. С. Вдовин предполагает, что «переводчики чукчи или коряки издали могли принять эти головные уборы за украшения из веток растений, прутьиков»⁹. Другим внешним признаком для образования этого же названия, по мнению И. С. Вдовина, переводчикам (чукчам или корякам) могло послужить то, что алеуты, сидя в каяках, наглухо прикрепляли себя шнуром к обручу отверстия каяка, как бы составляя с ним одно целое. В данном случае слово от основы *алев-* в форме *алевыт* могло означать, как полагает И. С. Вдовин, людей, «которые связаны, соединены прочной связкой с байдарой». Далее он дает обстоятельное историко-этнографическое обоснование возможности образования этнонима «алеут» от корякской основы *алев-*, увязывая его с ранними русскими экспедициями с Камчатки на Алеутские острова, а также учитывая гипотетические контакты жителей Камчатки с алеутами в далеком прошлом.

Неубедительность отнесения этнонима «алеут» к корякской языковой основе заключается в том, что впечатление одиночек коряков-переводчиков («толмачей») о внешнем виде алеутов не могло служить достаточным основанием для русских мореплавателей передавать этот этноним с помощью корякского языка. Они, как и не владевшие алеутским языком переводчики, могли назвать не знакомый им народ также описательно по-русски.

Близость комплекса предметов материальной культуры алеутов и камчатско-чукотских народов (Г. В. Стеллер, С. П. Крашенинников)¹⁰ объясняется не только предполагаемыми прямыми контактами между этими этносами в далеком прошлом (которые достоверно еще не дока-

⁶ И. Вениаминов. Заметки об островах уналашкинского отдела, ч. 2. СПб., 1840, с. 2; *его же*. Опыт грамматики..., с. 10.

⁷ «Handbook of American Indians North of Mexico», pt. 1. Washington, 1912, p. 36.

⁸ И. С. Вдовин. Указ. раб., с. 102.

⁹ Там же, с. 104.

¹⁰ И. С. Вдовин. Указ. раб., с. 105.

заны, особенно лингвистические), но и факторами конвергентного развития материальной и духовной культуры этих разноязычных народов в адекватных экологических условиях. Следует также сказать, что эскимосский топонимический субстрат в топонимии коряков лингвистически недостаточно обоснован; сохранение древних эскимосских топонимов на Камчатке предполагает прямое заимствование их коряками непосредственно от эскимосов в условиях длительного соседства на одной территории двух разноязычных народов, чему также нет прямых научных доказательств¹¹.

Наконец, возможность возведения названия «алеут» к корякскому наименованию (при этом из легенды) Командорских островов — *Алявытылгыт* — представляется маловероятной¹². Прежде всего потому, что Командорские острова до открытия их Берингом были необитаемы, а главное — ни одно из древних племен не давало каким-либо группам островов общих (групповых) названий. Так, у алеутов поименован каждый отдельный остров, но в их языке нет общего названия для всей гряды островов. Названия групповых географических объектов (островов, гор, озер и т. д.) возникали в связи с открытием новых земель, развитием мореплавания, торговли, военных походов, научных экспедиций.

Термин 'алеут' ('алеуты'), не являясь самоназванием (собственно этнонимом) алеутского народа, мог, тем не менее, возникнуть и, по-видимому, возник на лингвистической основе алеутского языка, но не непосредственно среди алеутов, а опосредованно, путем многократного акустического восприятия алеутского слова *аллѣтхух*, многими русскими моряками и промышленными людьми, посещавшими в разные годы в XVIII в. Алеутские острова. Это часто произносимое алеутами при общении с русскими и между собой алеутское слово (нередко в весьма критических ситуациях) хорошо запомнилось и особым образом адаптировалось русскими землепроходцами по фонеморфологическим нормам родного (русского) языка.

Слово *аллѣтхух* (*аллѣтхух*, мн. *аллѣтхус*), явившееся лингвистической основой этнонима 'алеут', 'алеуты', в ранний период становления алеутской общности означало понятие 'родственная община', 'команда', 'объединенная чем-либо группа людей'. Позднее, в период межплеменных (обменных, военных и др.) контактов алеутов с эскимосами и соседними племенами северных индейцев, а также между отдельными островными общинами самих алеутов слово *аллѣтхух* получило дополнительное (расширительное) значение и в зависимости от ситуации стало выражать также понятия 'команда судна', 'отряд байдар, лодок', 'военный отряд', 'ватага'. В период торговых и военных походов на соседние территории с целью добычи предметов быта и рабов¹³ термин *аллѣтхух* означал также 'войско'.

По письменным источникам известно, что домашние общины алеутов (часто селения-общины), ядром которых являлись несколько близкородственных семей, во время торговых и военных походов вооружались луками и копьями. Во главе *аллѣтхух* ('команды') стоял всегда *аллѣтхум камгѣ* ('предводитель', букв. 'военный голова') или *аллѣтхум тукѣ* ('команды хозяин'). От основы *аллѣтхух* образовались производные слова *аллѣтхулимих* ('война'), *аллѣтхухтах* ('плен', 'пленник'), *аллѣтхулгихта* ('пленить', 'брать в рабство'). Термин *аллѣтхух*, в период освоения русскими Алеутских островов употреблялся, по-видимому, чаще всего в значении 'команда судна' или 'группа судов (бай-

¹¹ И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — «Сибирский этнографический сборник», т. III. М. — Л., 1961; Г. А. Меновщиков. Палеоазиатские топонимы Северо-Восточной Сибири. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6.

¹² И. С. Вдовин. К вопросу о происхождении названия «алеут», с. 104—105.

¹³ Р. Г. Ляпунова. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975, с. 118, 119.

дар, каяков)', а при вооруженных столкновениях с русскими моряками — в значении 'вооруженный отряд', 'войско'.

Как же образовалось слово 'алеут' из слова аллйтхух? Историческим обоснованием такой адаптации может быть то, что первые русские землепроходцы, останавливаясь на судах около того или иного алеутского острова или высадившись на остров, встречались алеутским населением или группами алеутских лодок, гребцы которых в оборонительных целях были вооружены луками и копьями. Во главе такой группы находился *аллйтхум туку* ('команды хозяин'). Совершенно естественно, что с борта судна моряки или прибывшие на остров промысловики спрашивали, что за народ на лодках или на острове. Аборигены отвечали, что они *аллйтхух* (мн. *аллйтхус*). Этим словом алеуты сигнализировали пришельцам, что они имеют дело с вооруженными командами людей, могущими постоять за свою землю. Это слово должно было вселять в пришельцев уважение и настороженность. Слово *аллйтхух*, произносимое алеутами каждый раз при прибытии первых русских кораблей, воспринималось русскими моряками как самоназвание островитян и в форме 'алеут' адаптировалось ими.

Лингвистическим обоснованием русской адаптации алеутского слова *аллйтхух* в 'алеут' является то, что: 1) в алеутском языке отсутствует гласный [e]; 2) нет сочетания двух гласных в первых слогах слова, поэтому сочетание [ey] невозможно; 3) присущая алеутскому языку долгота произношения звонкого согласного [ɬ] перед ударным гласным [u] создает слуховое впечатление долгого гласного; 4) для русского акустического восприятия несвойственно сочетание согласных типа -тхух, из которых конечный увулярный [χ] при адаптации алеутских слов обычно опускается, как это видно, например, при русской адаптации алеутских топонимов, ср. алеут. о. *Атхаχ* > русск. Атха, алеут. нас. пункт *Ситхаχ* > русск. Ситха, алеут. о. *Нашин-алягсхаχ* > русск. Уналашка, алеут. п-ов *Алагсхаχ* > русск. Аляска, алеут. *Чигулаχ* > русск. Чигуль, алеут. *Амчигатаχ* > русск. Амчитка, алеут. о. *Кисхаχ* > русск. Киска, алеут. о. *Атаχ* > русск. Атту, алеут. о. *Сагугамаχ* > русск. Сигуам¹⁴.

При этом слабопроизносимый задненебный глухой [χ] после глухого [t] отпадает, и слово в усеченной форме *алиту* в результате метатезы принимает русскую форму 'алиут' (а не «алеут»).

Русские колонисты и мореплаватели, на разных островах в течение длительного времени слышавшие от алеутов слово *аллйтхух*, придали ему при адаптации фонеморфологический облик, соответствующий структурным закономерностям русского языка. Это тем более вероятно, что моделей слов типа 'алеут' со стечением двух гласных и конечным смычным [t] в алеутском языке нет.

В связи с образованием этнонима 'алеут' от *аллйтхух* можно высказать предположение, что адаптация этого слова в русском языке совершалась постепенно под влиянием знакомых уже и адаптированных русскими землепроходцами, моряками и миссионерами названий эскимосских общин на Аляске типа 'аглигмюты' (эск. *аглигмиут*), 'укивагмюты' (эск. *укивагмиут*), 'угалягмюты' (эск. *угалягмиут*), 'сигнагмюты' (эск. *сигнагмиут*) и др., которые позже перечислит в своем обзоре К. Т. Хлебников¹⁵. В данном случае алеутское слово форму с окончанием -ут могло приобрести по закону аналогии с хорошо знакомыми к тому времени русским колонистам и морякам адаптированными названиями эскимосских общин. Не исключено также, что отдельным авторам первых русских «граммат» об алеутах в XVIII в. было знакомо название «телеу-

¹⁴ Я. Нецветов. Указ. раб.

¹⁵ К. Т. Хлебников. Историческое и статистическое обозрение Российских владений в Северо-Западной Америке и по островам Алеутским. 1834.— Архив АН СССР, ф. II, оп. I, № 375, разд. IV, л. 7.

ты» — этноним одного из тюркских племен на Алтае (самоназвание 'теле')¹⁶, что также ассоциативно могло повлиять на русскую адаптацию алеутского слова *аллѣтхух* на 'алеут'. О том, что тюркский этноним 'телеут' был знаком русским картографам Сибири в середине XVIII в., свидетельствует, например, имеющаяся на карте Алеутских островов Умнака и Уналашки, составленной в 1762 г. «тотемским посадником Петром Шишкиным, участником плавания на судне „Иулиан“», надпись над одним из островов: 'ясашная телеутская'¹⁷. Известный исследователь истории Русской Америки П. А. Тихменев также отмечает, что: «Название Алеутских островов произошло, как говорит предание, от искаженного слова «телеуты», т. е. от названия монгольского племени, жившего в Томской губернии, с которыми первые мореплаватели нашли некоторое сходство в туземцах островов»¹⁸. Так или иначе, но знакомых уже ранее русским землепроходцам названий неродственных алеутам племен ('телеут', 'якут') и отдаленно родственных эскимосских общин с названиями на форманты *-ут* (*-ют*)-т было достаточно, чтобы по аналогии адаптировать исконно алеутское слово *аллѣтхух* на 'алеут'.

Убедительным доказательством того, что русские мореплаватели и промышленные люди слово *аллѣтхух* слышали непосредственно от алеутов и адаптировали его в форме «алеут», является, например, свидетельство вологодского купца Федора Афанасьева Кулькова, который с товарищами в середине XVIII в. прожил два года на Алеутских островах. Он рассказывал, что жители их «сами себя на своем языке называют олеут» и что «народ сей языком говорит по сие время в Российском государстве никогда еще неслыханном»¹⁹. Это свидетельство очевидца, по нашему мнению, также подтверждает, что термин 'алеут' восходит к собственно алеутской языковой основе и представляет собой русскую адаптацию алеутского слова *аллѣтхух* с отмеченными выше значениями, но не выступает в качестве исконного названия народа. Этот термин мог произноситься и произносился алеутами только в форме *аллѣтхух*, согласно фонетическим закономерностям алеутского языка, а не в форме «алеут» или «олеут», чуждой его фonomорфологической системе (гласных [e] и [o], как и стечения двух гласных, в алеутском языке нет).

Таким образом, алеутский термин *аллѣтхух*, означавший понятие 'община', 'отряд', 'команда', 'войско' (в зависимости от ситуации) и имевший широкое употребление при контактах алеутов с первыми русскими мореплавателями и промышленниками, представляет собой апеллатив этнонима 'алеут' в его русской адаптации.

Тщательные поиски именно этого источника в самых ранних записях русских путешественников могут, надо надеяться, подтвердить высказанную здесь гипотезу.

Многие этнонимы у различных народов мира возникли еще в эпоху первобытнообщинной формации и в ряде случаев без существенных изменений сохранились до нашего времени. Как показывают названия и самоназвания отдельных, ранее отсталых и бесписьменных народностей Крайнего Севера Сибири и Северной Америки, процессы их номинации происходили по трем основным линиям: 1) по соотносительности части или всего этноса с определенным хозяйственно-культурным типом;

¹⁶ БСЭ, изд. II, т. 42, с. 165, 166.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 192, карты Иркутской губернии, № 54, рукописная, подлинник; «Атлас географических открытий Сибири и Северо-Западной Америки XVII—XVIII вв.», 1964, карта № 149.

¹⁸ П. А. Тихменев. Историческое обозрение образования Русско-Американской компании, т. I. СПб., 1861.

¹⁹ «Известия, собранные из разговоров вологодского купца Федора Афанасьева Кулькова о так называемых алеутских островах в Санкт-Петербургу 1764 году». — Архив внешней политики России, ф. 339, оп. 888, д. 17, л. 1—5.

2) по соотносительности части или всего этноса с определенной местностью; 3) по признаку противопоставления одного этнического коллектива другому.

Примером образования этнонимов по соотносительности части этноса с хозяйственно-культурным типом могут служить, например, чукотские названия *чаучу* (*чаччешат*) 'кочевники', 'оленеводы' и *анкалын* (*анкал?эн*) 'приморский' (оседлые приморские жители, занимающиеся морским зверобойным промыслом). В данном случае этнонимы образовались по признаку рода занятий двух групп одной и той же народности. Названия части этноса по признаку хозяйственно-культурной деятельности, по-видимому, нельзя безоговорочно отнести к понятию этнонима, если у данной народности (народа, племени) имеется еще и общее название, объединяющее этнос в целом. Так, чукки называют себя общим словом *луораветлат* 'настоящие люди', выделяя тем самым себя из среды соседних с ними иноязычных народностей²⁰. Термины же *чаучу* и *анкалын*, характеризующие род занятий населения, служат его этнографической характеристикой, являются своего рода предэтнонимами.

Название народности от лексем 'человек', 'люди' отмечается у ряда сибирских и американских племен и народов. Эскимосы, например, с древнейших времен по лингвистическим и некоторым культурно-историческим признакам подразделялись на две большие группы *инуит* и *йугит*. Оба слова означают 'люди'. При этом каждая из групп дробилась на множество территориально обособленных диалектных групп, получивших названия по соотносительности с определенной местностью. Так, азиатские эскимосы по территориально-диалектным признакам называли себя *уназигимит* 'уназикцы' (от топонима Уназик) *сигинигмит* 'сиреникцы' (от топонима Сигынык) и *нывуқахмит* 'науканцы' (от топонима *Нывуқақ*)²¹. По местности и частично по роду занятий получили названия эскимосы Аляски, Канады, Гренландии. Вместе с тем общие названия эскимосов *инуит*, *йугит* (мн. ч. от *инук*, *йук* 'человек' или 'мужчина') в форме *инупигит*, *йупигит* (также *инупиат*) 'настоящие люди', 'настоящий народ' (-*ник/-пит* — суф., придающий словам значения 'настоящий', 'подлинный') в том и другом подразделении эскимосов стали означать самоназвание народности, осознающей себя 'настоящим народом' и противопоставляющей соседним этносам, враждебным или иноязычным пришельцам и т. д.

Что же касается термина 'эскимосы', то он образовался от слова *esquimaux*, которым индейцы-атапаски называли своих иноязычных соседей. На языке этих индейцев слово *esquimaux* означало 'сыроед', 'едящий сырое мясо'. В начале XIX в. европейцы это название народа адаптировали в форме *eskimo*, ставшей наименованием этого этноса²².

Образование этнонимов от нарицательных слов 'человек', 'люди' прослежено у многих малых народностей Сибири. В одних случаях слово 'человек' во множ. числе понимается абстрагированно, т. е. как 'народ' (или как этноним), что имеет место у нивхов, энцев, кетов, ненцев, марийцев²³, в других случаях это слово при образовании этнонима сочетается с названием местности, как, например, в этнонимах *амгун бзенин* 'амгунский человек', 'негидалец с Амгуни'; *на-най* 'нанаец', *букв* 'земля-человек', 'этой земли человек', 'здешний человек'²⁴.

Часто этноним возникает не среди народа, носящего его, а у родственных по языку или даже неродственных соседей. Так, например, эт-

²⁰ «Языки народов СССР», т. 5, Л., 1968, с. 249.

²¹ Г. А. Меновицков. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972, с. 132, 149, 160.

²² Г. А. Меновицков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1. Л., 1962, с. 6

²³ «Языки народов СССР», т. 4, Л., 1966; т. 5, Л., 1968.

²⁴ Там же, т. 5, с. 129.

ноним 'негидальцы' образовался от общего тунгусо-маньчжурского корня *не-/ня* — 'край', 'берег', 'низина', — аффиксов — *-ги-да* — 'сторона' (*негида* 'прибрежная сторона') — и *-л* — мн. ч., что и дало *негидал* 'негидальцы' ('низинные'), тогда как сами негидальцы называли себя *бэенин* ('человек'). В данном случае эвенкийское слово *негидал*, называющее народ по признаку местности, стало этнонимом для негидальцев²⁵.

Этимология этнонима, топонима, как и любого социально и исторически значимого слова, не только объясняет его языковую принадлежность, но в ряде случаев вскрывает важные стороны истории создавшего его народа. Данное обстоятельство требует от этимолога обязательного знания строя языка, к которому восходят слова. А если исследователь делает ответственные теоретические заключения по имеющимся письменным источникам, то их научная объективность должна быть тщательно проверена по ряду других источников. Иначе ошибочное заключение первичного лингвистического источника, зафиксированного лицом, не знавшим основ грамматического строя языка, может повториться в трудах последующих поколений исследователей. Примером может служить такой факт: выдающийся русский исследователь Аляски и Алеутских островов в первой половине XIX в. К. Т. Хлебников, сообщая о самоназваниях эскимосских общин на Аляске, писал, что «окончание *-мют*, прилагаемое к названию места, означает „житель“» (л. 7, п. 13) и далее (л. 15): «... слово *мют* означает жителя или человека»²⁶. Итак, автор обзора перепутал «слово» и «окончание», между тем формант эскимосских имен нарицательных *-ми/-мит*, *-миу/-миут*, как это отмечено во многих работах по эскимосскому языку, представляет собою суффикс имен, означающих принадлежность или соотнесенность лица с определенной местностью, страной, нацией или народностью, ср.: р. Кукоквик, *кукоквигми* ('кукоквимец'), *кукоквигмит* ('кукоквимцы'); о. Нунивак, *нунивагми*, *нунивагмит*, ('нунивакский', 'нунивакцы'); Москва, *москвагми*, *москвагмит* ('москвич', 'москвичи'); с. Уназик, *уңазигми*, *уңазигмит* ('уназикский', 'уназикцы'); *русигми*, *русигмит* ('русский', 'русские') и т. д.²⁷.

В диалектах группы эскимосов *инуит* этот суффикс имеет форму *-миу/-миут* (*-т* — форма мн. числа), которую во втором определении Хлебников и назвал ошибочно словом, означающим «жителя или человека».

Среди первых русских колонистов, осваивавших в начале XVIII в. Алеутские острова и Аляску, были команды землепроходцев-казаков. Эти самые ранние контакты русских с аборигенами на американских землях были неоднократно засвидетельствованы письменными источниками («грамотами») и оставили неизгладимый след не только в материальной и духовной культуре коренных народов Северной Америки, но и в их языках. Бесспорным свидетельством раннего проникновения землепроходцев-казаков, промышленных людей, чиновников и миссионеров на Аляску и Алеутские острова, является то, что всех белых людей алеуты, эскимосы и ближайшие к ним территориально племена северных индейцев называли термином *касак* (эск.), *касах* (ал.), *гасаг* (инд.). Таким образом, русское слово 'казак' ассоциировалось с понятием «белый» или «пришлый человек». Ни в одном языке аборигенов этого региона в XVIII—XIX вв. не был отмечен этноним 'русский', тогда как сословно-социальный, а не этнический

²⁵ «Языки народов СССР», т. 5, с. 109.

²⁶ К. Т. Хлебников. Указ. раб., разд. IV. Народонаселение.

²⁷ Г. А. Меновицков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1, с. 89, 90, п. 4.

термин 'казак' получил там повсеместное распространение и в последующих поколениях вошел в словарный фонд языков этих народов как исконное слово для названия всех белых людей, независимо от их национальности²⁸.

Следовательно, первые русские на Алеутских островах называли аборигенов алеутским словом *аллѣтхух*, обозначавшим, как показано, одну из форм социальной организации алеутского общества (а не этноним в прямом смысле), алеуты же аналогичным способом называли русских социально-сословным термином 'казак' в адаптированной форме *'касах'*.

²⁸ L. L. Hammerich. The Russian stratum in Alaskan Eskimo.— «Slavic Word», 1954, № 3 («Word», v. 10, 1954, № 4). Г. А. Меновщиков. Русские заимствования в языке эскимосов Аляски.— «Вопросы языкознания», 1956, № 2, с. 124—127.